

ДМИТРИЙ КРАСАВИН

ЭКСПЕРИМЕНТ

Дмитрий Красавин

Эксперимент

«Издательские решения»

Красавин Д.

Эксперимент / Д. Красавин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510643-8

Отель в Стамбуле. Далекый космос. Война в Сирии. Приключения на дорогах.
И любовь, любовь, любовь... Где факты, а где вымысел — решать читателю.
Во второй части книги — философские притчи и ненаучные рассказы.

ISBN 978-5-00-510643-8

© Красавин Д.
© Издательские решения

Содержание

1. Похищение	8
2. В центре войда	12
3. На периферии	17
4. Прощение	20
5. В доме Халеда	23
6. В подвале дома Захарии	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эксперимент

Дмитрий Красавин

Иллюстратор Юлия Новикова

© Дмитрий Красавин, 2021

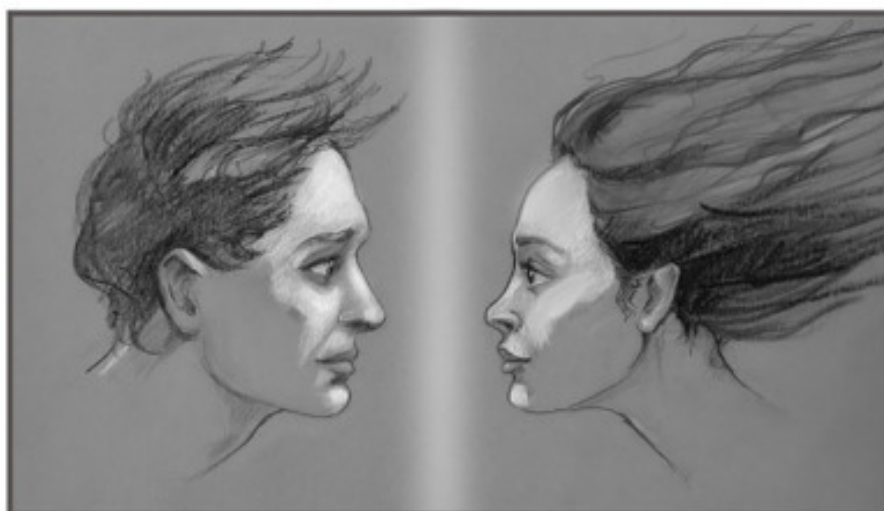
© Юлия Новикова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0051-0643-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эксперимент

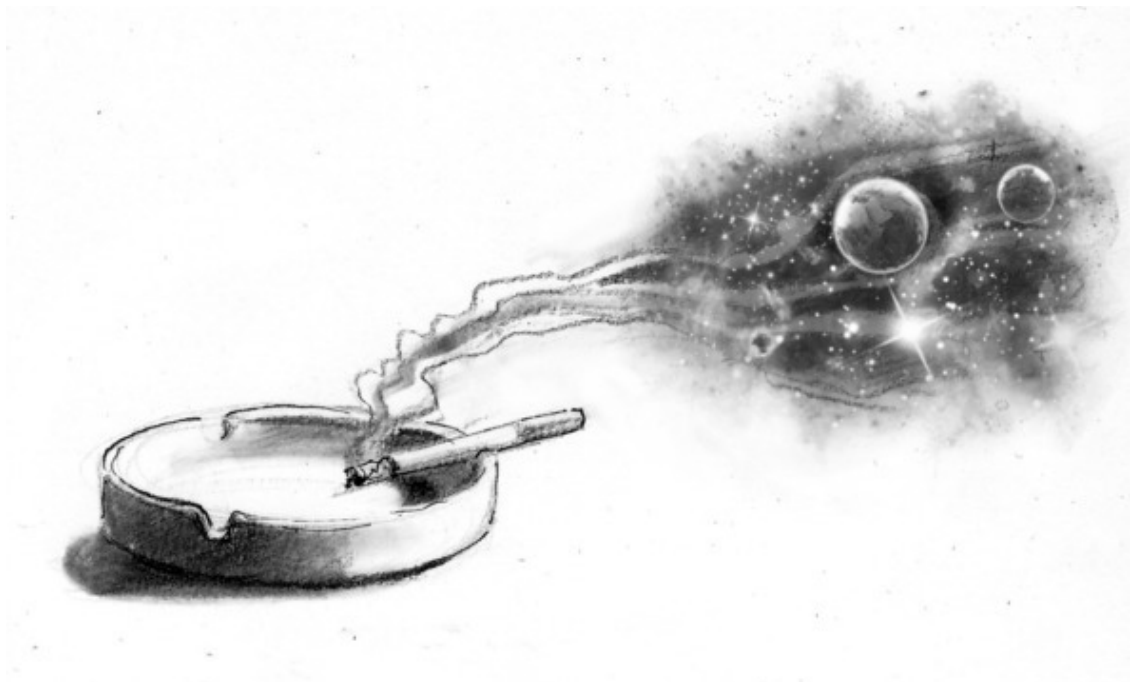

Ненаучная
фантастика

---

1. Похищение

В воскресенье, 26 января 2020 года, Гвоздиков проснулся в четыре часа утра от навязчивого ощущения, что кто-то пробрался в его номер и пристально наблюдает за ним. Он открыл глаза, протянул руку к выключателю торшера. Комнату залил яркий свет лампы. Сергей Васильевич на миг зажмурился, снова открыл глаза – никого нет. Он поднялся с кровати, подошел на цыпочках к окну, сжал кулак и, приготовившись хуком слева послать непрошеного гостя в нокаут, резко отдернул штору – никого. Да и как мог кто-либо посторонний войти в его 812-й номер-люкс через запертую изнутри дверь, и уж тем более немыслимо предположить, что незнакомец пробрался на восьмой этаж небоскреба с улицы. Он разжал кулак, встряхнул руку и мысленно усмехнулся. Причудится же такое! Однако, несмотря на все доводы разума, успокоение не приходило.

Через открытую форточку в комнату проникали звуки южной ночи: шорохи ветра в листве платанов, отдаленные крики какой-то птицы, неясные голоса людей где-то там внизу у входа в отель. Бросив последний взгляд на усеянное мириадами звезд ночное небо, Гвоздиков отошел от окна, достал из висящего на спинке стула пиджака пачку Marlboro, чиркнул спичкой, закурил и присел на край дивана. Уснуть, похоже, больше не удастся. Автобус от гостиницы в аэропорт отходит в семь утра, а что до семи делать? Водочки бы дерябнуть, но где ее взять ночью? Да и выходить из номера, спускаться вниз было лень. Сигарета попала на редкость некачественная – только вид один, а вдыхаешь дым, будто воздух глотаешь.

– Ну, турки! – Смачно матюгнувшись, он загасил пальцами окурок, бросил с отвращением на пол и, окинув взглядом комнату, стал размышлять: не прихватить ли с собой в Россию, помимо уже сложенных в чемодан пары гостиничных полотенец и набора шампуней, еще что дельное?

Неожиданно свет торшера погас, створки окна распахнулись, и Гвоздиков почувствовал, что на расстоянии двадцати сантиметров вокруг его тела образовался плотный прозрачный кокон. В ужасе он принялся биться о стенки кокона локтями, коленями, головой. Но стенки были мягкими, гасили удары, лишь слегка трансформируясь и тут же возвращаясь в прежнее

положение, оставаясь при этом непроницаемыми. В какой-то момент кокон с бившимся в его чреве пленником поднялся над полом, медленно поплыл к распахнутому окну и вывалился наружу.

– Спасите! – срываясь на фальцет, закричал Сергей, ожидая неизбежного падения вниз.

Крик, ударившись о стенки эластичной тюрьмы, вздыбил их волнами и угас, никем не услышанный.

Набирая скорость, кокон устремился вверх, к звездам. Вжатый ускорением в его нижнюю часть, с неестественно выгнутой и подсунутой под левую щеку ладонью Сергей, с трудом сохраняя глаза открытыми, стал с тоской наблюдать, как, сливаясь в точку, отдаляются огни большого города. Вскоре мелькнули звездочки еще каких-то огней, черная поверхность океана, а затем он увидел Землю целиком. Освещенный лучами Солнца, голубой шар с белыми вкраплениями снегов Антарктиды и облаков скользил в левую сторону от кокона, зримо уменьшаясь в размерах. Буквально через несколько секунд по правому борту проплыла вниз большая желтоватая планета и слилась с сонмом звезд на густо-черном небе. Спустя мгновение на фоне огромного звездного неба от всей Солнечной системы узнаваемым осталось только маленькое, на глазах тускнеющее светило. Немыслимой силы ускорение продолжало вжимать тело в нижнюю часть кокона, не позволяя даже пальцем пошевелить.

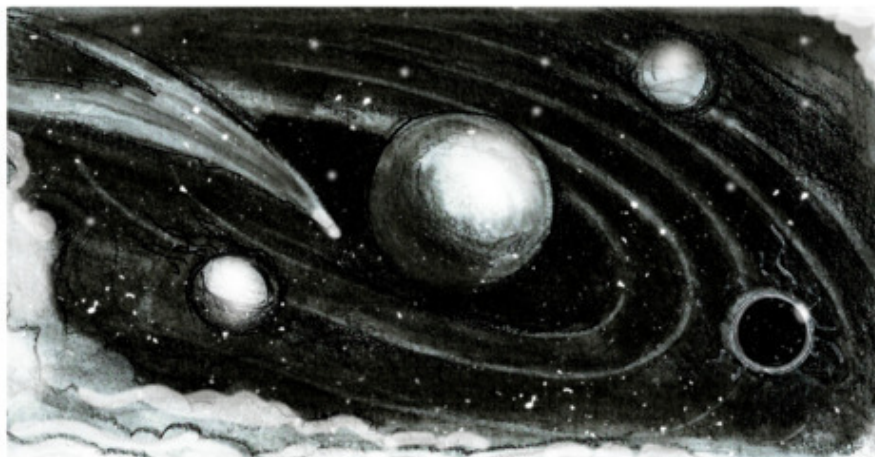

Освещенный лучами Солнца, голубой шар с белыми вкраплениями снегов Антарктиды и облаков скользил в левую сторону от кокона, зримо уменьшаясь в размерах.

– Гады, сволочи! Как можно меня, человека, ни за что ни про что посадить в эту летящую неведомо куда колбу, пригвоздив к ее доньшку, как собаку на цепь? – обращаясь не то к себе, не то к неведомым похитителям, прошептал Гвоздиков.

Похитители молчали. Может, за грехи какие? Если порыться по полочкам памяти, там много пылится болезненного, неприятного, даже жуткого. Но ведь и у остальных людей, если разобраться, грязи не меньше. Кто из нас не без греха? Перед мысленным взором проплыли лица друзей, приятелей, сотрудников, случайных женщин. Как они все далеки! Как их теперь, со всеми их грехами и закидонами, не хватает! Один... Щемящее чувство оторванности от мира отодвинуло на второй план размышления о греховности. Сергей уже готов был разреваться от жалости к себе, но вокруг разлился какой-то сладковатый запах не то жасмина, не то еще какой дряни. Мысли, чувства разом потускнели, и он не в силах больше держать тяжелые веки открытыми провалился в сон.

2. В центре войда

Проснулся Гвоздиков от ощущения необычайной легкости. Приподняв голову, почувствовал, как по лежавшей под щекой ладони неприятно заскользили чьи-то волосы. Он сел и ощупал лицо руками.

– Это сколько же я спал? – вырвалось из груди.

– Семьсот тридцать пять часов, – раздался в ответ приятный женский голос, то ли проникший в кокон снаружи, то ли рожденный неведомым источником прямо в голове.

– Ты кто? Белая горячка?

– Помощник-консультант номер сто восемьдесят миллиардов четыреста семьдесят пять миллионов триста сорок шесть тысяч пятьсот шестьдесят один.

– А где ты, сто восемьдесят миллиардов... Не запомнил, как дальше, ядрена вошь. Можно по-простому – Миллиардерша с хвостиком?

– Можно по-простому. Отвечаю на первый вопрос: я везде, где ты, но неосязаема. Увидеть или потрогать меня невозможно.

– Бред какой-то.

– Я приставлена помогать тебе, буду снабжать необходимой информацией. Могу для твоей потехи и бредом быть.

– С этим спешить не надо. Бритву, как я полагаю, твои подельники не догадались в эту колбу засунуть? Так, скажи-ка, консультантша, чем заросли на лице убрать?

– Вспомни, каким ты видел себя в зеркале до сна, закрой глаза ладонью левой руки и, с максимальным усилием прижимая ее к лицу, проведи по бородке и усам, затем сожми ладонь в кулак и сразу распрями пальцы, как бы отбрасывая волосы.

Сергей послушно поднес левую ладонь к лицу, проделал предписанные манипуляции, снова поднес ладонь к лицу и тотчас ощутил под пальцами гладкость свежевывбритых щек – все чисто, ни волоска! Ничего себе фокус!

– Если надумаешь вернуть волосатость на лице, проведи с этой мыслью по лицу тыльной стороной правой ладони, – проинформировала Миллиардерша с хвостиком.

Гвоздиков промолчал. Что-то еще на собственном лице ему показалось странным. Он ощупал лицо двумя руками – на брови отсутствовал шрам! Довольно приятные чудеса. Левая

рука непроизвольно потянулась в сторону от лица, коснулась стенки, и тело, качнувшись, поплыло в воздухе к другой стенке.

Невесомость! Значит, кокон перестал наращивать скорость, и больше не придется страдать от перегрузок, уткнувшись мордой в пол. Но почему вокруг такая темнота?

– Мы находимся в центре небольшого войда¹ диаметром пятьдесят четыре миллиона световых лет, – раздался голос Миллиардерши, – поэтому вокруг нас нет звезд.

«Во дает! – удивился Гвоздиков. – Я, кажется, не произнес ни слова, а она уже отвечает!»

– Можешь спрашивать мысленно.

– А что за светлое пятнышко, вон там, слева от нас?

– Это одно из множества сверхскоплений галактик². По вашей терминологии оно называется Галактическое сверхскопление Девы, в него входит и ваша Местная группа. Одной из сорока трех галактик вашей Местной группы является Млечный путь. В нем триста двадцать миллионов звезд, одна из них, относящаяся по вашей терминологии к желтым карликам, – Солнце, вокруг которого вращается ваша крошечная планета. Еще вопросы?

– Ну ты наворотила терминов, голова пухнет. Это что, Земля отсюда типа прилипшей к пятке песчинки?

– Я твоих сравнений не понимаю.

– Оставим на потом. А что это за бесчисленные столбики парят вокруг?

– Капсулы с такими же, как ты, землянами. Их стенки, как и твоя, не пропускают внутренний свет наружу, поэтому вы друг друга не видите. Через сорок минут стенки обретут полную прозрачность, ты сможешь увидеть своих соседей, а они тебя.

– Ты что, серьезно?

Упервшись ладонями в стенки своего кокона и приблизив к ней лицо, Гвоздиков с ужасом стал вглядываться в проплывающие мимо темные столбики. Уму непостижимо, сколько тут нас, униженных, бесправных.

– Зачем нас всех похитили? – вырвалось невольно из груди. – По какому праву? На каком основании? Куда мы летим? Что мы такого сделали, чтобы нас лишили свободы? Я хочу на Землю! Жрать хочу!

– Ты получаешь все необходимое для жизнедеятельности из воздуха через поры в коже, через них же очищается организм. Твое «жрать хочу» нефизиологично. По поводу крошечной Земли – чем она может тебя привлекать?

– Реками, лесами, степями, пляжами на морских берегах, друзьями... Женщинами, наконец!

– Разве ты любишь все это?

– Разумеется.

– Неправда. Ты не любишь ни Землю, ни женщин. Тобою движут животные инстинкты.

Столь бесцеремонные, наглые обвинения, да еще высказанные равнодушным, безапелляционным тоном, не могли не вызвать ответной реакции. Сергей поднял вверх руки и, потрясая в пустоту кулаками, прокричал:

– Не тебе, бестелесной Миллиардерше с хвостиком, судить о любви! Тьфу на тебя!

---

¹ 1. Войды – одни из крупнейших образований в природе, занимающие основную часть пространства во Вселенной. Главная особенность данных структур заключается в том, что плотность видимой материи в них значительно ниже средней ее плотности во Вселенной. Средний размер войдов достигает 40 мегапарсек (≈ 130 млн световых лет). В войдах могут быть «темная энергия» и протогалактические облака. В 2014 году астрономы из университета Пенсильвании обнаружили в войдах небольшие искажения в направлениях распространения света, создаваемые, предположительно, темной материей. Для этого были использованы данные Слоановского цифрового небесного обзора для 40 миллионов галактик и 20 тысяч войдов.

² 2. Сверхскопление галактик – самый большой тип объединения галактик, каждое из сверхскоплений включает в себя тысячи галактик. В масштабах сверхскоплений галактики выстраиваются в нити, окружающие обширные разреженные пустоты (войды) и образующие плоские скопления (стены).

Успокоившись немного, опустил руки. Мелькнула трусливая мысль: не последует ли за его бунтом наказание? Потом решил, что терять ему нечего. Впрочем, на рожон лезть, кажется, тоже нет смысла. Помолчал немного, собираясь с мыслями, и продолжил более мирным тоном:

– Нутром чувствую, сейчас начнешь: возлюби врага, подставь щеку... Слышал я всю эту чушь сто раз. Но, по мне, нормальная любовь – когда два тела сливаются в одно и пусть весь мир хоть в тартарары катится. А питаться через поры – извращение. Я хочу по-людски: водочки стопарик, огурец малосольный чтоб на зубах похрустывал. Давай колись: зачем меня похитила? Коль приглянулся, то покажи свои телеса, может, если не слюбимся, то сговоримся как-нибудь.

Незнакомка молчала.

Обиделась, наверное. Сергей огляделся. Из плавающих вокруг в невесомости темных столбиков все явственнее пробивались наружу мягкие рассеянные полосы света, постепенно расширяясь и соединяясь друг с другом. Вскоре он обнаружил, что находится в центре тонкого сияющего диска с парящими вокруг бесчисленными фигурами людей, и не в силах сдержать эмоции воскликнул:

– Ни хрена себе!

Некоторые мужчины, как и он сам, парили в трусах. Две парящие неподалеку дамы и вовсе оказались обнаженными. Почувствовав на себе взгляды мужчин, они смутились и сжались в комочки. Совсем рядом, почти вплотную, проплыла в капсуле женщина с младенцем на руках, а следом за ней три маленькие капсулы с малолетними детьми.

– Вау! Может, вообще никого из людей на Земле не осталось – всех чохом инопланетяне похитили?

На несколько секунд стенки коконов утратили прозрачность, свет потускнел, и на плечи Гвоздикова опустилась легкая накидка.

«Хорошо бы с рукавами», – подумалось ему, и тотчас руки оказались окутанными в рукава.

«Все под колпаком у Мюллера! – отреагировал мозг. – Вроде как хорошо, когда без слов тебя понимают. Но неуютно! Можно и приключений накликать».

Из коконов опять стали выбиваться светлые полосы. Пленники вновь могли лицезреть друг друга, да к тому же и щеголять пестрыми нарядами. На некоторых дамах платья менялись со скоростью узоров в калейдоскопе. На душе от этого цирка стало повеселее. Мелькнула мысль: «Вот бы не через прозрачные стенки на расстоянии и в молчании, а вживую общаться: прикасаться руками, толкаться, разговаривать».

– Можешь перейти из капсулы в вестибюль космического корабля. Переходы в обоих направлениях осуществляются силой желания, – проинформировала Миллиардерша с хвостиком.

Тотчас Сергей увидел, как впереди выросла высоченная хрустальная стена, к которой со всех сторон устремились парящие в прозрачных коконах пленники. Касаясь стены, они освобождались от своих одиночных камер и врывались под своды этого удивительного объекта. Вероятно, внутри «вестибюля» каким-то образом было создано нечто вроде земного притяжения, так как все сразу становилось на ноги, как это принято на Земле. Долго не раздумывая, Гвоздиков тоже устремился туда, ударился коконом о стену и, освободившись от него, оказался посреди необъятной толпы оглядывающих друг друга людей. Многие обнимались. Какая-то старушка с ниспадающими на плечи редкими седыми волосами, упав на колени и вздымая вверх голову, истово молилась, осеняя себя крестным знаменем. Незнакомый мужчина, грасируя что-то по-французски, уткнулся Гвоздикову в плечо, как будто встретил старого друга, и расплакался. Сергей, ободряющее похлопав француза по спине, стал оглядываться. Похоже, сюда действительно переселилось все население Земли. Русской речи не было слышно, но ведь

где-то должны быть и наши. Молча приобняв на прощание француза, Гвоздиков пустился на поиски.

Чтобы не заплутать, решил идти вдоль хрустальной стенки, через которую в залу вливались тысячи новых пленников. Он вглядывался в их лица, говорил что-нибудь ободряющее, обнимал кого-то за плечи, ему отвечали объятиями, плакали, улыбались, но из-за незнания языков дальше выражения чувств общение не шло. И вдруг в одном из приблизившихся к стене коконов он увидел лицо Рабии, горничной, работавшей в турецком отеле и довольно сносно владеющей русским. Сергей ринулся к ней как к родному, желанному человеку. Ее кокон уже растаял за стеной холла, и она сделала первый шаг навстречу незнакомым людям, но, увидав устремленного к ней Гвоздикова, с ужасом попятилась, ткнулась спиной в стенку холла, прошла ее в обратном направлении и, вновь оказавшись внутри возникшего из ничего кокона, стала отдаляться в черноту космоса.

– Куда же ты? – прокричал Сергей.

Ответа не было.

Не размышляя, он тоже бросился к стене, с разбегу ударился о нее туловищем, вновь оказался внутри своего опостылевшего кокона и, движимый безудержным желанием встречи с единственным в этой толпе знакомым человеком, стал отдаляться от сверкающего вестибюля.

Однако расстояние до беглянки увеличивалось – мощь ее ужаса при виде бывшего постояльца гостиницы превосходила мощь его желания общаться с нею. Осознав сей печальный факт и опасаясь, как бы из страха перед ним эта симпатичная, ставшая вдруг бесконечно близкой женщина не затерялась в черноте космоса, Гвоздиков прекратил погоню.

Рабия еще продолжала удаляться, но, увидев, что преследователь демонстративно уплывает в другую сторону, остановилась; некоторое время, прильнув к стенке своей прозрачной тюрьмы, напряженно наблюдала за ним и, убедившись, что ее больше не преследуют, осторожно начала обратное движение в сторону космического вестибюля.

Когда ее облаченная в плотно прилегающее к телу бирюзовое платье фигура превратилась в точку на фоне сверкающей стены, Сергей тоже прекратил удаляться в неизвестность. Прежде чем что-либо предпринимать дальше, надо было немного пораскинуть мозгами. Вспомнилось, как вечером накануне своего пленения он, находясь в хорошем подпитии, встретил Рабию в гостиничном коридоре, ухватил за мягкое место, прижал к груди и попытался затопить в свой номер, обещая за ночь баснословное количество долларов. Кажется, дело дошло до пяти тысяч, но, когда он полез одной рукой в карман за ключами от номера, она расцарапала ему лицо, вырвалась и убежала. Он бросился было ее догонять, споткнулся о ковер, ударился лбом о выступ в полу, рассек бровь. К боли добавились обида и злость на возомнившую себя принцессой горничную. Сейчас у него нет ни обиды, ни злости. А что есть? Сострадание, чувство вины перед Рабией, желание загладить эту вину. Но как это сделать, если женщину охватывает панический страх от одного лишь его вида? Если он вернется и они случайно встретятся, то она снова в панике бросится через стенку космического вестибюля в открытый космос и затеряется в нем, на этот раз уже на веки вечные... Что делать? Ба, у меня же есть бестелесная помощница!

– Миллиардерша с хвостиком, ты слышишь меня?

– Слышу, но бессильна чем-либо помочь. Ты сам должен найти решение.

– А если его нет?

– Оно есть всегда, загляни в себя поглубже.

Хорошо ей со стороны советовать: загляни поглубже! А как это – поглубже?

– Эй, красавица, ты поподробнее не можешь мне, дураку, объяснить?

– Чувства, эмоции, тело, мысли – все меняется. Прилипает и отпадает... Глубже, значит, за пределы всего изменяющегося, к тому неизменному, что позволяет каждому в любом возрасте, в любой ситуации, в любом состоянии говорить: это я.

– Понятнее можно?

– Я не могу думать, чувствовать, ощущать, желать вместо тебя. Без собственной воли, желания познание самого себя невозможно.

Вот тебе и высшая раса: и бессильна, и не может... Ничего себе! Гвоздиков задумался, попытался припомнить что-то где-то читанное и слышанное на эту тему раньше, напряг извилины, но ничего умного в голову не приходило. Что же делать? Устав от размышлений и колебаний, он забылся в полусне. Очнувшись, стал с тоской оглядывать черноту космоса и вдруг снова увидел светлое пятнышко галактического сверхскопления Девы. Одной из бесчисленных пылинок этого скопления была галактика Млечный Путь, среди сотен миллионов звезд которой была безумно красивая звезда по имени Солнце, а рядом с ним прекраснейшая из планет – Земля.

– Там мой дом, пора возвращаться, – прошептал он.

3. На периферии

Приведенный силой мысли в движение кокон устремился в заданном направлении. Космический вестибюль стал отдаляться, превращаясь в небольшой сверкающий диск. На душе полегчало, ум успокоился. Однако спустя некоторое время Сергей заметил, что размеры диска перестали уменьшаться.

– Эй, Бестелесная, что это значит?

– Капсула может независимо перемещаться лишь в ограниченном пространстве нашего космического корабля. Диаметр корабля – одна световая минутка, это примерно семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят семь тысяч пятьсот двадцать километров. Ты находишься сейчас на его периферии, дальнейшее удаление невозможно.

– Тюрьма!!!

– Диаметр Земли в тысячу четыреста сорок раз меньше диаметра нашего корабля и составляет всего-навсего двенадцать тысяч семьсот сорок два километра, но ты же не называешь эту пылинку тюрьмой.

– Земля полна людей, она твердая, она живая... А ваш корабль – чернота космоса, окруженная невидимыми стенами и населенная невидимками типа тебя. Земля – мой дом, наконец! Я родился на ней!

– Дом, который вы, земляне, уничтожаете.

– А вам какое дело до нашего дома?

– Мы чистильщики Вселенной. По нашим данным, ваша планета не только на грани экологической катастрофы, но и ядерной. Основная и единственная причина – катастрофический разрыв между вашим техническим прогрессом и уровнем осознанности почти всех землян.

– Снова это дурацкое слово?

– Вы не осознаете в полной мере себя, поэтому не можете осознать и своего единства с целым, с Вселенной и даже с вашей маленькой планетой. Она кричит от ужаса и боли, но вы ее не слышите и не хотите слышать. Более того, абсолютное большинство из вас не ощущает даже своего единства с остальными людьми. Вам присуще чувство единства только по секторным

признакам: моя религия, моя страна и прочее... Но единства глобального вы не ощущаете. Без него Землю не спасут никакие ваши международные договоры, никакие законы, постановления, манифесты, пакты...

– Все понятно. Коронавирус³ – ваша работа?

– Нет, это ваше, земное.

– Значит, вы просто решили ради спасения планеты самых несознательных вроде меня изъять с Земли?

– Нет-нет! Тут далеко не худшие экземпляры, а ты даже симпатичен в своих искренности и любопытстве. Просто, прежде чем на что-то решиться, нам требуется изучить проблему, понять, что вы, земляне, собой представляете. Вот мы и решили для всестороннего исследования доставить образцы материала на нашу станцию. Сделали случайную выборку в небольшом количестве – меньше одной сотой процента от общего числа жителей Земли. Это чуть больше семисот тысяч человек. Смехотворная цифра, не так ли?

– Да уж, куда смешней! И что будете с нами делать?

– Я уже объяснила: исследовать.

– Как вшей под микроскопом?

– Не внешне, а тончайшую суть каждого из вас. Ваш внешний вид нас не интересует.

– И что потом?

– Закончим исследовательский эксперимент и доставим вас обратно в те пространственно-временные точки, из которых вы были изъяты. По результатам исследования примем решение, что делать с человечеством в целом. Самое кардинальное – очистить от людей планету, дав ей возможность восстановиться самостоятельно.

– Куда уж кардинальней...

– Предложи свой вариант. Ты говоришь, что любишь Землю, вот и прояви свою любовь на деле, а не на словах.

– Я человек маленький, от меня ничего не зависит.

– Историю делают маленькие люди. Каждый из вас свободен, каждый создан из вещества, называемого любовью, – никто не может вам помешать в ее проявлении, но вы ведете себя так, будто созданы из ненависти и равнодушия. Миллионы и даже миллиарды маленьких людей считают, что от них ничего не зависит! Проснитесь!

Гвоздиков затосковал. Что толку в этих бесплодных разговорах, если не только Земля, но и этот светящийся вдали диск космического вестибюля недоступны? А слова Миллиардерши: «Каждый из вас свободен» – иначе как издевкой и не назовешь. Хороша свобода, если даже наложить на себя руки невозможно и голодовку в знак протеста не объявишь – через поры все входит и выходит. Так и придется здесь торчать целую вечность, пока не превратишься в космическую мумию...

Невидимая собеседница, вероятно, осознав нелепость своих нравоучений, на этот раз не отреагировала на его мысли.

Он на несколько минут закрыл глаза, открыл снова – все без изменений: с одной стороны – светлое пятно галактического сверхскопления, с другой – яркое пятно наполненного светом и людьми диска вестибюля. И больше ничего. С ума сойти! Хоть бы какие-нибудь подвижки: наводнения, пожары... Вернуться в вестибюль?

– Конечно, возвращайся! – моментально подключилась к размышлениям бестелесная надзирательница.

– Рабья, встретив меня, снова бросится в бега. Боюсь, на этот раз безвозвратно.

---

³ В конце 2019 года был выявлен новый штамм коронавирусов SARS-CoV-2, вызывающий опасное инфекционное заболевание – COVID-19. От одного зараженного в среднем заражаются два-три человека. В марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения охарактеризовала принявшее мировой масштаб распространение болезни как пандемию. Осенью 2020-го планету накрыла вторая, еще более мощная волна заражения коронавирусом.

– Зато ты снова окажешься в обществе землян. Там есть и твои соотечественники. Какое тебе дело до Рабии? Неразумно обречь себя на одиночество из-за простой горничной, какой-то турчанки.

В глубинах сознания заворчалось предательское: «Конечно, глупо, кто мне эта горничная? Ну, не сдержался, полапал немного. То, что она теперь меня боится, – ее проблема».

– Правильно мыслишь, – вкрадчиво поддакнула советчица.

И тут Сергея неожиданно взорвало. Не столько в злобе на коварную надзирательницу, сколько на самого себя он прокричал:

– Дура ты безмозглая! Кикимора болотная!

Миллиардерша умолкла.

«Наша бы баба утюгом в голову запустила, а этой – все божия роса. Да, положение – хуже не придумаешь».

Какое-то время Гвоздиков тоскливо вглядывался в пятнышко галактического сверхскопления Девы, потом перевел взгляд на сверкающий вдали диск вестибюля и заметил, как, нарастая в размерах, к его кокону приближается другой кокон. Спустя несколько секунд он увидел... Рабию! Прильнув лицом к прозрачной оболочке, женщина смотрела на него. По ее лицу текли слезы.

Сергей почувствовал, что задыхается от нежности, печали и какого-то неведомого ему раньше светлого, переполняющего душу чувства. Он упал на колени, стал просить у этой совсем недавно столь резко отказавшей ему в сексуальных утехах женщины прощения. Рабия его не слышала, но понимала и тоже опустилась на колени. Умоляюще глядя на Гвоздикова, она стала что-то быстро-быстро говорить. Потом они молча долго-долго смотрели друг другу в глаза и наконец, соприкоснувшись коконами, поплыли в космосе, кружась друг вокруг друга.

4. Прощение

Прощение... Что может быть более человеческим? Мы часто обвиняем окружающих нас людей или самих себя в каких-то ошибках, черствости, обидах. Эти раны, нанесенные нам или нами, затягиваются с трудом, без конца зудят. Обрести душевный покой можно лишь тогда, когда простишь других и себя. Простишь не умом, а сердцем. Прощение делает нас людьми в высоком смысле этого слова, очищает, возвращает к невинности. Через прощение мир вокруг снова обретает краски, а душа – силу любить.

Странно, но ни Сергей, ни Рабия, простив друг друга и самих себя, явно не торопились попасть в общество других людей. Соединенные силой взаимного притяжения, они медленно парили в безвоздушном пространстве, иногда делая замысловатые пируэты, переворачиваясь, сжимая и удлиняя прозрачные коконы – танцую в ритме слышимой только ими музыки.

Наверное, этот танец мог бы продолжаться и продолжаться, но в какой-то момент они оба почувствовали неодолимую тягу соединить руки, обнять друг друга... В последний раз закружившись в танце, они синхронно вытянули свои тела в направлении космического вестибюля и поплыли в его сторону. Скорость полета была невелика, так как все мысли Гвоздикова, чей кокон выдвинулся немного вперед, были заняты Рабией. Вероятно, и она думала сейчас о нем больше, чем обо всем остальном мире. Смогут ли они уединиться в этом переполненном людьми космическом объекте?

– Не волнуйся, – прервал размышления нашего героя голос Миллиардерши, – вестибюль теперь ничем не отличается от вашей планеты. Все доставленные в него земляне живут сейчас нормальной человеческой жизнью.

– Как это?

– Мы расширили вестибюль, создали внутри него модель вашей планеты по состоянию на четыре часа утра двадцать шестого января две тысячи двадцатого года и заселили ее телесными анимаклонами обитающих на Земле живых существ. Карты памяти каждого из доставленных сюда вместе с вами землян очистили от ненужных воспоминаний о перелете, и они сейчас живут среди наших клонов нормальной человеческой жизнью, принимая последних за реальных рыб, птиц, животных, за обычных людей – своих друзей, врагов, супругов, родителей, детей. Пока ты страдал на периферии, здесь все преобразилось. Идут дожди, светит Солнце, падает снег... Правда, в этой связи возникла небольшая проблема – упущено время. Мы уже не можем поместить вас с Рабией в предназначавшуюся для вас модель отеля «Хилтон»: эксперимент идет полным ходом и ваш отель уже больше месяца живет здесь самостоятельной жизнью. Для его работников и постояльцев вы с Рабией исчезли в неизвестном направлении, оставив записку, что решили уединиться и вернетесь нескоро. Давайте вместе решать, что с вами делать.

– Отправьте нас на Землю.

– Это хороший вариант. Время на Земле течет в миллиарды раз медленнее, чем на нашем корабле, поэтому мы вернем вас в те же точки пространства-времени, из которых вы были изъяты. Интервал составит не более пятнадцати секунд. Но есть один нюанс: в памяти ни у нее, ни у тебя не останется ничего, что было здесь. Для вас возвращение будет простым продолжением той ночи. Ты продолжишь размышления о том, где бы в четыре утра достать водочки и что еще можно прихватить с собой в Россию из номера восемьсот двенадцать турецкого отеля «Хилтон», а Рабия продолжит в страхе и ужасе вспоминать пьяного русского туриста, пытавшегося насильно затащить ее в свою постель.

– Ты хочешь сказать, что мы не будем помнить ни нашего танца, ни этого полета?

– Именно так. Все, что здесь с вами происходило, будет автоматически стерто из вашей памяти. Вы снова погрузитесь в свои обиды, страхи, грязь и жадность. Сумеете ли вы когда-нибудь из них выбраться – не знает никто. Хотите вы такого возвращения?

– А что будет, если останемся здесь?

– Тоже никто не знает. Будущее Земли сегодня решается здесь. Каким оно будет, зависит от каждого из принимающих участие в эксперименте землян, в том числе и от тебя. Возвращаешься или остаешься?

– А как Рабия?

– Она сказала, что хочет быть там, где будешь ты. Разумеется, в случае вашего добровольного согласия стать участниками эксперимента из ее и твоей памяти не будет производиться никаких изъятий.

– Остаюсь... Вернее, мы с Рабией остаемся. Какое место будет нам отведено в вашей модели?

– Сейчас у нас нет другого выхода, как десантировать вас в одну из точек высокой турбулентности. Вы окажетесь в Сирии, в одном из маленьких городков провинции Идлиб⁴. Рабия давно хотела отправиться туда на поиски своей матери и племянницы, но у нее не было достаточных средств для поездки. С твоими пятью тысячами долларов это осуществится.

– Деньги остались в отеле, под матрасом.

– Не проблема. Все, что до момента похищения ты считал в отеле твоим, будет у тебя и здесь.

– А что дальше?

– Все зависит от вас самих. Мы не вмешиваемся в происходящие на модели события и не будем вмешиваться в ваши взаимоотношения с другими людьми. Если кого-то из вас, тебя или Рабию, в смоделированной реальности убьют, вы незамедлительно окажетесь на своей родной планете, в отеле «Хилтон», каждый на своем месте. Ты проснешься в своем номере, сидя на кровати перед раскрытым чемоданом.

– Забыв обо всем, что было с нами здесь?

– Разумеется. Но персонально для вас с Рабией есть вариант, при котором возможно сохранение ваших карт памяти. Чтобы он осуществился, вы должны выжить в смоделированном мире, вернуться из провинции Идлиб в отель «Хилтон» и седьмого марта две тысячи двадцатого года в четыре часа ночи, ни секундой позже, быть – ты в номере восемьсот двенадцать, а она в своем служебном помещении.

– К чему такая точность?

– К этому времени все земляне из нашей модели будут уже изъятые и возвращены на Землю, вместо каждого из них будут жить, работать и умирать их клоны. Модель начнет работать автономно и через два миллиарда лет закончит свое существование (если клоны не разрушат ее раньше). Разумеется, я говорю о времени внутри нашего корабля, а не вашем, земном.

– А если кто-то из нас задержится, не успеет?

– Карта памяти сохранится только у того, кто успел.

– Других вариантов нет?

– Нет.

– Что ж, принято.

---

⁴ Провинция Идлиб – одна из 14 мухафаз на северо-западе Сирии. По данным 2007 года, население составляло 1 359 000 человек. Долгое время провинция являлась оплотом суннитской вооруженной оппозиции. После освобождения правительственными войсками Алеппо в декабре 2016 года в Идлиб стали вывозить по условиям примирительных соглашений боевиков из радикальных группировок, отказывавшихся сдаваться сирийским войскам. В результате депортаций 2017 – 2018 годов, по данным УВКБ ООН, население провинции выросло почти вдвое – до 2,5 млн человек.

– И еще. В качестве бонуса за ваше согласие стать объектами нашего исследования вам введены под кожу чипы-переводчики, способные автоматически переводить речь на языки, понятные вашим собеседникам. Так что вас везде будут принимать за своих. Потренируйтесь для начала в уединении вдвоем. Губы и язык при произношении незнакомых слов двигаются несколько непривычным для них образом, надо научиться не препятствовать им. Удачи. Откровенно говоря, я немного завидую вам обоим.

5. В доме Халеда

Запах дыма и жуткий, пробирающий до костей холод – первое, что ощутил Гвоздиков, очнувшись на каменном полу в незнакомом тесном помещении с низким сводчатым потолком. Сквозь узкий пролом в наружной стене комнатку освещал тонкий солнечный луч, рассеиваясь во влажных испарениях и замирая светлым пятнышком на крашенной охрой дощатой двери. Некоторое время он ошалело вглядывался в это пятнышко, пытаясь понять, где он и что с ним. Хотелось хоть что-то поесть, горячего чаю и в туалет. На периферии сознания всплыло: значит, обмен веществ через поры – дело прошлое. Тут же разом вспомнилось все, что было с ним незадолго до этого: и прощение Рабии, и полет с ней, и последние наставления Миллиардерши.

Сергей привстал, опираясь на руку, огляделся по сторонам. С правой стороны – голая стенка со следами облупленной штукатурки; вплотную к ней на усеянном осколками полу – его чемодан и чья-то дорожная сумка. На небольшом возвышении слева, сжавшись в комочек, подложив под голову ладони и завернувшись в тонкий черный плед, спала Рабия. Пригнув голову, чтобы не удариться о нижнюю кромку потолочного свода, он подошел к ней. Неудержимо хотелось провести рукой по ее выбившимся из-под пледа волосам, поцеловать их. Помнит ли она, как они плакали, глядя в глаза друг друга, как кружились в полете танца – будто были одни во всей Вселенной? В нерешительности, боясь ненароком потревожить ее сон, он замер около ложа этой ставшей бесконечно близкой ему женщины. Пять минут прошло или два часа, он не знает. Подняв глаза, Гвоздиков увидел в двух шагах от себя дверь. Он подошел к ней вплотную. Она была приотворена. Из узкой щели между косяком и створкой торчали куски штукатурки, а пол был покрыт толстым слоем известковой пыли. В верхней части щели виднелась узкая полоска неба. Гвоздиков навалился на створку плечом, но, блокированная с другой стороны чем-то тяжелым, она не шелохнулась.

– Сергей, – услышал он за спиной тихий голос Рабии, – ты помнишь, что с нами случилось?

– Да, – ответил он, обернувшись к ней.

– Мы с тобой находимся в доме моего мужа, в кладовой на первом этаже. – Рабия перешла на арабский язык: – Ночью я проснулась от грохота, вероятно, в дом попал снаряд, разрушились два верхних этажа, завален вход в кладовую со стороны гостиной. Ты так крепко спал, что не проснулся, а мне жалко было тебя будить. Я осмотрела все сама, облазила все углы и узнала это помещение. Из него есть другой выход наружу – через люк в полу, там надо пробираться по узкому лазу, и попадаешь во внутренний сад дома на соседней улице.

– У тебя есть муж?

– Халед был боевиком Джебхат ан-Нусры⁵, боролся за создание Исламского государства. Три года назад, через неделю после свадьбы, его убили под Идлибом⁶. Его друзья предложили мне, во имя Аллаха милостивого и милосердного, отомстить за смерть мужа, взорвать себя в окружении врагов ислама. Полгода меня наставляли в вере и обучали обращению с взрывчаткой, а потом к нашему лагерю подступили войска Асада, и я сбежала в Турцию с другими сирийскими беженцами. Я видела много смертей и не хочу никого убивать.

– Я в туалет хочу, – переминаясь с ноги на ногу, взмолился Гвоздиков.

– В углу по диагонали от тебя, за грудой кирпичей валяется пластмассовая бутылка из-под машинного масла. Воспользуйся ею. Я отвернусь. И еще, переходи тоже на арабский, чтобы освоиться с артикуляцией.

– Попробую, – ответил на арабском Гвоздиков.

– На моем мобильнике села батарейка, а розетки здесь не работают. У тебя есть мобильный телефон?

– Не знаю.

– Посмотри в своем чемодане. Если есть, я дозвонюсь до кого-нибудь из друзей, чтобы помогли нам. Мои вещи лежат в дорожной сумке, я ее осмотрела: там только моя одежда, паспорт, кошелек с банковской картой, зарядка и разные мелочи – все, что было при мне в отеле в ту ночь, когда нас похитили.

Сергей, пригнув голову, прошел в указанный Рабией угол, нашел бутылку, облегчился. Застегнув штаны, перешагнул через кирпичи, подошел к лежащему на полу чемодану и открыл его. В глаза бросились лежавшие сверху два гостиничных полотенца и набор шампуней. «Избавиться, побыстрее избавиться! Засунуть под кирпичи, чтобы Рабия не видела», – мелькнуло в голове.

– Не прячь ничего от меня, – раздалось за спиной. – Ты был другим человеком, когда укладывал чемодан. Это другой, а не ты имел склонность к воровству. Сейчас ты не такой, я знаю.

Гвоздиков оглянулся. Рабия сидела на своем каменном ложе, распустив по плечам длинные черные волосы, грустно и нежно глядя на него своими большими темными глазами. Какая она сейчас красивая, хрупкая, незащищенная! От этой незащищенной красоты ему стало стыдно за себя «другого», безумно захотелось подойти к ней, обнять, утешить, защитить. Но не испугает ли он этим ее, не оттолкнет ли она его от себя, как было там, в гостиничном коридоре?

– Ты так странно смотришь на меня. Что-нибудь случилось? – принимаясь расчесывать гребнем волосы, спросила Рабия. – Если что-то не так, скажи.

---

⁵ Джебхат ан-Нусра (Фронт Победы) – отделение террористической организации «Аль-Каида». Основана в 2012 году и считается одной из наиболее успешных среди повстанческих группировок. Признана террористической организацией многими странами, включая Россию и США. Неоднократно заявляла о своем расформировании и присоединении отрядов к другим группировкам. С января 2017 года входит в Хайят Тахрир аш-Шам

⁶ В июле 2017 года в провинции Идлиб произошли столкновения между вооруженными формированиями за влияние в регионе и контроль над каналами поставок техники, вооружения и припасов из Турции. Бои продолжались на протяжении нескольких дней и привели к сотням убитых и раненых боевиков. В результате в августе 2017 года контроль над провинцией Идлиб почти полностью закрепился за группировкой «Джебхат ан-Нусра».

Гвоздиков не знал, как выразить словами обуревавшие его чувства, поэтому глядел на нее и молчал.

– Это не совсем даже и кража, – по-своему расценив его молчание, продолжила она развивать тему о воровстве. – В ценах на гостиничные номера учитываются все издержки, связанные с приемом туристов из России. Так что за полотенца и шампуни ты заплатил при заказе номера. Последний год таких краж в нашем отеле почти не случалось. Все в этом мире меняется, меняемся и мы сами. Разве не так?

Сергей, оставив чемодан открытым, шагнул к Рабии, упал на колени и, глядя снизу вверх в ее глаза, тихо произнес:

– Я никогда тебя не обижу, никогда не обману и никому другому не позволю этого сделать. Мне хочется быть с тобой рядом... Всегда... А сейчас – обнять... Но я боюсь...

– Почему?

– Ты... не оттолкнешь меня?

Она отложила гребень в сторону, склонила голову, развела ладонями ниспадавшие до пояса волосы, окутала ими лицо Гвоздикова и, приблизив к нему свое лицо, прошептала:

– Глупенький. Как же можно отталкивать того, кто любит?

Он протянул вверх руки, обнял склоненную к нему голову Рабии и, не отрывая своих глаз от ее глаз, неожиданно произнес:

– Я люблю тебя.

Она молчала.

– Будь моей женой... Ты согласна?

Она прижала его голову к своей груди, потом слегка отстранилась и... заплакала.

– Ты не согласна? – лицо Гвоздикова вытянулось, быстро-быстро заморгали ресницы.

– Согласна, – еле слышно прошептала она и снова прижала его голову к своей груди.

Они сидели неподвижно несколько минут. Потом он осторожно отстранился, поднялся с пола, пересел на каменное ложе, придвинулся к ней вплотную, обнял за плечи и потянулся своими губами к ее губам. Их губы соединились, но поцелуй был прерван – с наружной стороны дома раздались чьи-то быстрые шаги. Кто-то подошел вплотную к стене, остановился и с хрипотцой в голосе скомандовал:

– Миномет перетащите сюда!

– Тут раньше был дом дядюшки Халеда, – не в тему ответил тонкий мальчишеский голос.

– Знаю. Здесь перед вами вся улица будет как на ладони. Через два-три часа пойдет их техника, подпусти ближе, чтоб наверняка, и дави на гашетку. Твои пацаны пусть зря патроны не тратят, стреляют прицельно. Понял?

– Понял!

– За той красной дверью – маленькая кладовка. Там в полу есть люк, отстреляетесь и бегом по подземному ходу в сад Захарии. Спрячетесь в кустах у забора. Пропускайте танки и забрасывайте сзади пачками гранат. Где гранаты спрятаны, сам знаешь. Береги себя, не подставляйся – ты нужен Аллаху.

– Перед дверью все завалено. Без техники нам втроем до вечера не разобрать.

– Не надо ничего разбирать. Возьмешь у Талала топорик. Я скажу, он даст. Прорубишь в верхней части двери лаз. За полчаса успеете все подготовить, а сейчас пойдем к Усаме.

Голоса стали удаляться.

Сергей и Рабия, затаив дыхание и отстранившись друг от друга, с минуту прислушивались к доносящимся с улицы звукам.

– Уходим отсюда, – первым пришел в себя Гвоздиков. – Здесь оставаться опасно. Где тут в полу крышка люка?

– Тебе нельзя показываться на людях.

– Почему?

– У тебя нет обязательной для всех мужчин бороды. В тебе признают кяфира⁷, а сейчас это равноценно смертному приговору.

– Тогда звони друзьям, подругам и уходи одна. – Сергей снял руку с плеча Рабии, встал в полный рост, коснувшись головой потолочного свода, инстинктивно пригнулся, шагнул к чемодану, нашел во внутреннем кармашке мобильный телефон и протянул его Рабии. – За меня не волнуйся – я пять лет занимался каратэ, если что, справлюсь с этими пацанами, потом тебя найду.

– Не так-то просто с ними справиться, – принимая телефон, ответила она. – Я по голосу узнала – это Аммар с соседней улицы. Хороший пацан: всегда здоровался со мной, угощал орешками. Его отец погиб в бою против правительственных войск в один день с моим мужем. Потом я видела его в лагере, где нас, женщин, наставляли в вере и способах самоподрыва в местах сборища кяфиров, а таких, как он, пацанов, во имя Аллаха милостивого и милосердного учили убивать неверных.

– Пацанов учили убивать?

– Инструкторы выводили в обнесенную колючей проволокой зону мужчин из числа военнопленных или пойманных при проверках документов алавитов, а мальчишки должны были соревноваться, стреляя в эти живые мишени из разного оружия. Их также обучали приемам рукопашного боя, владению ножами. Но больше всего учили ненависти. Ненависти ко всем, кто не мусульманин или искажает ислам: к еретикам, христианам, шиитам, алавитам, езидам, суфиям... Врагов у Аллаха очень много. Отдать жизнь в борьбе с ними для каждого из этих ребят дело чести. Если ты не Рембо, то справиться с Аммаром и его приятелями тебе вряд ли удастся, – разве что подкрасться тайно и перерезать каждому горло. Но тогда ты станешь таким же, как они.

– Все равно уходи. Я не умею и никогда не буду никого убивать, но что-нибудь придумаю, чтобы обезвредить пацанов.

– Я не могу выйти отсюда одна. Женщинам нельзя появляться на людях без сопровождения мужчин. Их отлавливают, а их мужей или опекунов, допустивших такое неуважение к шариату, наказывают ударами плети. Так что оставим этот разговор.

Рабия стала по памяти набирать один за другим номера своих сирийских друзей. В ответ слышались длинные гудки.

Гвоздиков, сидя на чемодане, тупо смотрел на дрожащий в пыльном воздухе лучик солнца. Ничего умного в голову не приходило. И вдруг в памяти высветились слова Миллиардерши: «Если надумаешь вернуть волосатость на лице, проведи с этой мыслью по лицу тыльной стороной правой ладони». Он быстро поднес тыльную сторону правой ладони к лицу и медленным движением обвел ею вдоль щек и подбородка.

– Кто ты? – испуганно вскрикнула Рабия, подняв на миг глаза от экрана телефона и увидев перед собой заросшее густыми рыжими волосами лицо.

Сергей закрыл глаза ладонью левой руки, провел по лицу, сжал в кулак, тут же мысленно отбрасывая бороду, резко растопырил пальцы и, разом лишившись растительности, довольный произведенным эффектом разулыбался.

– Аллах всемогущий! – воскликнула Рабия.

Гвоздиков вновь поднес к лицу правую ладонь, но не успел довести фокус до конца – зазвонил телефон.

Рабия взглянула на мобильник. Узнав по высветившемуся на экране номеру, от кого идет звонок, приняла вызов, приложила телефон к уху и радостно закричала:

---

⁷ Кяфир (другое произношение кафир) – понятие в исламе для обозначения человека, совершающего куфр. Согласно исламской догматике, к куфру относятся неверие в существование Аллаха и отрицание посланнической миссии пророка Мухаммеда, а также отказ от признания воскрешения после смерти, Страшного суда, существования ада и рая. Практически это означает, что все немусульмане являются кяфирами.

– Татик, йес йем джер йерикхан!

В мозгу Сергея моментально отпечатался перевод: «Бабушка, это я, твоя малышка!»

С той стороны что-то долго говорили.

По щеке Рабии покатила слеза. Перейдя с армянского на более привычный для нее арабский, она стала быстро-быстро рассказывать, как перебралась из Турции в Сирию, пришла в дом Халеда, как ночью в дом попал снаряд и что она не одна, а с будущим мужем, хотела найти мать, испросить благословения на брак. Жаль, что с мамой все так случилось...

Она переключила динамик телефона, чтобы Гвоздиков тоже мог слышать разговор. Они с бабушкой вспоминали общих знакомых: кто-то, как родители и братья Рабии, погиб, кто-то эмигрировал, а большинство канули в неизвестность. Потом бабушка запела какую-то щемяще-грустную песню на армянском языке. Рабия с середины первого куплета присоединилась к ней. Гвоздиков сначала просто слушал, затем, запомнив слова припева, тоже стал немного подпевать, чем сразу покорила сердце старой женщины.

После песни некоторое время все молчали. Первой нарушила молчание бабушка.

– Ты армянин? – спросила она у Гвоздикова на арабском.

– Русский, – ответил тот.

– Русский тоже хорошо, – обрадовалась старушка. – Мой муж был коммунистом, он очень тепло говорил о вашей революции. Ты тоже коммунист?

– Беспартийный.

– Жаль, но все равно, коль приглянулся моей внучке – человек хороший.

– Бабушка, – вмешалась в разговор Рабия, – где ты сейчас?

– Мы с Халимой и Исрафилом перебрались в подвал дома Захарии. Сам хозяин с женами и детьми месяц назад после первого штурма города правительственными войсками бежал в Турцию, а дом оставил открытым, чтобы люди могли в нем укрываться от войны. Говорят, что с минуту на минуту город снова будут штурмовать правительственные войска. Мы взяли с собой одежду, продукты и перешли из нашего дома сюда. Здесь стены толще, есть вода, туалет. Переходите и вы к нам. Переждем вместе лихо, поговорим, а там – как бог даст.

6. В подвале дома Захарии

Подземный переход в сад Захарии оказался узким и низким. Сергею с его комплекцией местами приходилось протискиваться между каменными стенами, да еще чемодан надо было тащить за собой. Не обошлось без потерянных пуговиц и царапин на теле. Выход наружу был закрыт легким пластмассовым щитом. Сдвинув щит и отбросив в сторону, Сергей и Рабия выбрались наружу. Сад, несмотря на бушевавшую вокруг войну, выглядел на редкость ухоженным: ни мусора, ни упавших веток, земля вокруг деревьев взрыхлена и покрыта пленкой. Вдоль невысокого, сложенного из желтого камня забора, отделявшего сад от улицы, выбивались из земли редкие пучки травы. Из глубины сада, где среди весьма изящно разбросанных валунов был замаскирован подземный ход, к дому вела усыпанная серым гравием тропа. Гвоздиков, перешагивая через камни, пошел к ней.

– Подожди! – окликнула его Рабия. – Надо закрыть и подпереть камнями выход из подземного перехода.

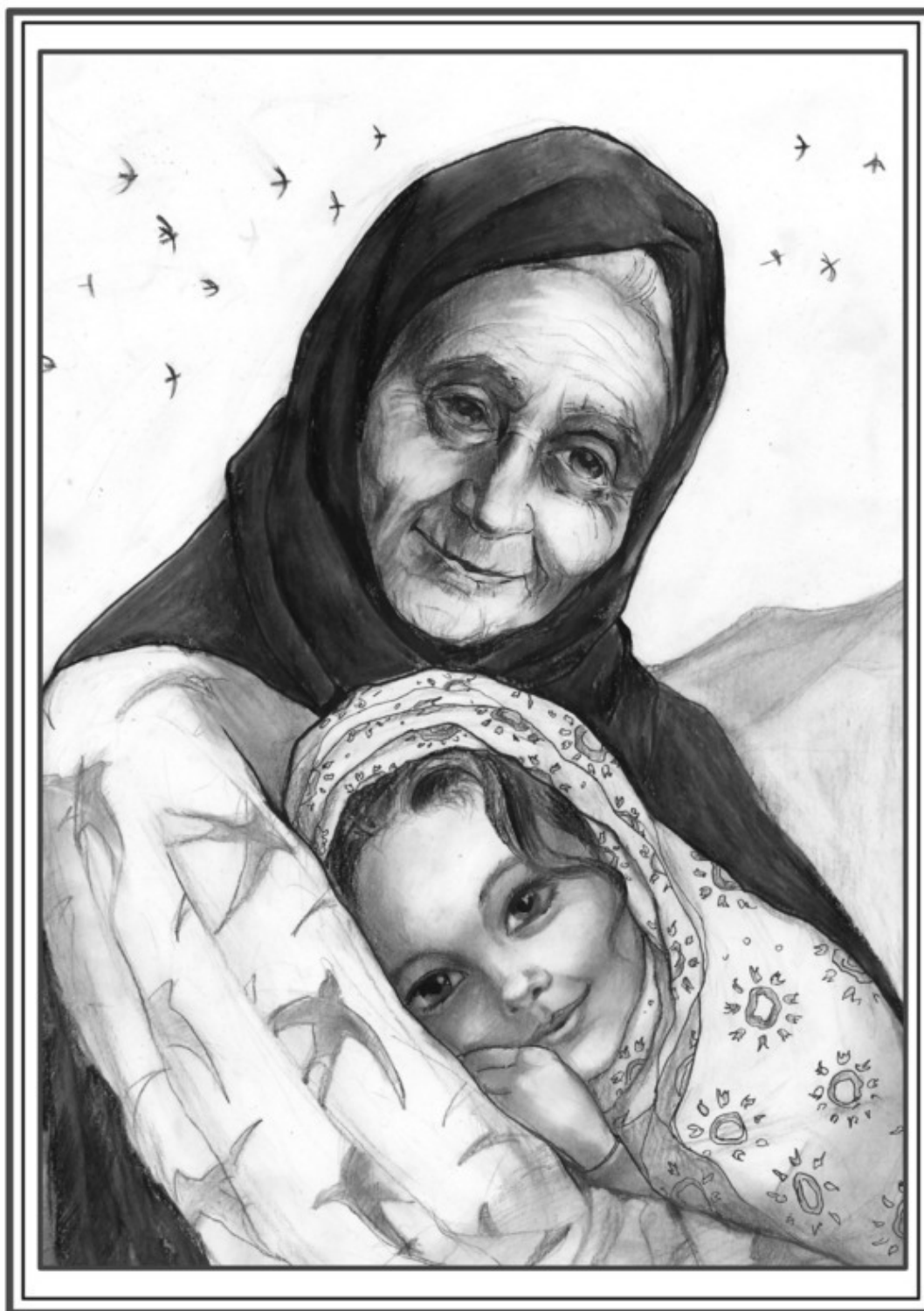
– Зачем? – удивился Сергей.

– Если Аммар и его приятели переберутся в этот сад и начнут забрасывать гранатами правительственные войска, те откроют ответный огонь по мальчишкам и быстро их уничтожат. Будет обстрелян и разрушен дом Захарии, а значит, погибнут люди, которые прячутся в нем от войны.

Опустив чемодан на траву, Сергей вернулся, поднял с земли пластмассовый щит и закрыл им выход. Вдвоем с Рабией они придвинули вплотную к щиту ближайший валун и набросали сверху внушительную гору камней помельче. Теперь без посторонней помощи никакой богатырь, не говоря о малолетних пацанах, не сможет выбраться наружу.

Возле дома их ждала пожилая женщина в разукрашенном мелким бисером черном платье, державшая за руку худенькую большеглазую девчущку лет четырех. Волосы у обеих были спрятаны под хиджабом, лица закрыты никабом – видны лишь глаза. Увидев незнакомых людей, ребенок поспешно спрятался за спину женщины, та, не наклоняясь, обняла подбежавшую к ней Рабию, и они долго стояли обнявшись, не произнося ни слова. Потом женщина поздоровалась с Гвоздиковым, сделала ему комплимент по поводу богатырского роста и представилась:

– Лиана, бабушка Рабии. А это, – женщина снова взяла за руку малышку и вывела перед собой, – наша красавица Халима, племянница Рабии, моя правнучка.

Бабушка Лиана и красавица Халима

Гвоздиков, не зная, принято это или нет у мусульман, протянул Лиане руку. Она вложила в нее свою ладонь, едва сжала его пальцы и сразу высвободила. Халима, внимательно осмотрев

незнакомца с ног до головы и немного поколебавшись, тоже протянула ему свою крошечную ладошку. Сергей обнял ее тремя пальцами, склонился, поднес к губам и бережно поцеловал. За что в ответ был награжден тихой обворожительной улыбкой и внимательным благодарным взглядом. После церемонии знакомства все поднялись по широкой мраморной лестнице в дом.

В большой прихожей, заваленной мешками, узлами, перевязанными бечевкой тюками, они прошли к невысокой двери с левой стороны от входа, отворили ее. В лицо пахнуло блаженным теплом. Спустившись по деревянным ступенькам вниз, оказались в подвальном помещении среди укрывшихся в нем от войны незнакомых людей. В основном это были женщины, старики и маленькие дети. Гвоздиков увидел устремленные на него со всех сторон десятки глаз. Мужчины уже тысячи лет воюют друг с другом. Одни защищают власть, другие борются с ней или с ее бесчисленными врагами за родину, за веру или просто потому, что так у мужчин заведено. Мужчина без автомата, с чемоданом в руке, в непривычной европейской одежде – что привело его сюда, что от него ожидать? Не выдержав этих вопрошающих взглядов, Гвоздиков опустил голову и молча проследовал за Лианой и Рабией в дальний угол подвала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.